

## ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Экран и сцена. —  
1998. — апр.  
(№16). — 96.



**В**се, кто следит за московской театральной жизнью, знают, что в последнее время у Михаила Козакова было две премьеры — "Палола и львы, или Сублимация любви в стиле dell'arte" и "Цветок смеющийся". Но на самом деле между ними была еще одна — он впервые читал с эстрады "Осенний крик ястреба" Иосифа Бродского.

Но еще незадолго до того я услышала "Осенний крик" в передаче "Кинескоп". Почему-то все интересные передачи идут в неудобное время, да еще к тому же их постоянно передвигают по сетке, так что мы включили ее как-то случайно, с середины, и я не знаю, о чем шла речь раньше, почти сразу Ко-

заков стал читать "Осенний крик". Должно быть, это была своего рода репетиция, проверка на публике — как выяснилось чуть позже, он полгода каждый день при всех прочих работах, им занимался.

Козаков почему-то очень любит цифры и даты, так что и я повторю вслед за ним: он читает Бродского двадцать семь лет. Можно сосчитать, в каком году он начал это делать (у самого Михал Михалыча с этим бывают сложности; так, на одном из концертов, занимаясь любимыми подсчетами, он сообщил, что Бродский родился в 1940 году, а вот это вот стихотворение написал в 1964-м... и сколько же это ему было?). В общем, в любом случае год был еще не тот, чтобы читать Бродского где-нибудь, кроме кухни. Было, правда, еще одно место — дорожки в парке Болшевского дома творчества кинематографистов; наверное, кому-то еще перепало в других местах, но все равно до залов и телеэкрана было еще далеко. А Козаков продолжал работать над Бродским и говорил, что надо быть готовым к тому времени, когда станет можно. Тогда, конечно, трудно было поверить, что такое время настанет, но сейчас видно, кто был прав.

Я всегда очень хорошо помню, какие книги из чьих рук получила. Не в том смысле, что дали почитать, хотя и это в застойные времена было очень и очень существенно. Но иногда проблема не в том, чтобы взять реальную книгу в руки, а в том, чтобы в нее войти, приручить — или дать ей себя приручить. Или — это, кажется, случается еще чаще, — никак не можешь забыть о том, что то или другое стихотворение включено в школьную программу, вроде бы другие стихи Пушкин, Лермонтов или Тютчев писали для души, а эти — по заказу Министерства про-

свещения. И этот школьный глянец Козаков тоже снимает — выходит на эстраду и читает то, что мы все десять, двадцать или сорок лет назад учили и отвечали на отметку. Вот так, только с его помощью, я научилась различать смысл за совершенством формы русской классической поэзии. Только посмотрев "И свет во тьме светит", почувствовала, — нет, конечно, я это знала и раньше, но все равно по-настоящему не доходило, что Толстой не только глыба и матерый человечище, а еще и человек.

Но это все немножко в сторону, просто к слову пришлось; с Бродским все обстоит по-другому. Михал Михалыч, с его любовью к подсчетам, кроме лет и дат, еще нередко в процентах прикидывает, насколько он понимает Бродского, которым занимается, как уже было сказано, двадцать семь лет. По моему, получается где-то от четверти до половины; так что мне совершенно не стыдно понимать еще меньше. Но хочется. А иногда не получается, что-то не впускает внутрь, некое магнитное поле, сама толком не знаю.

И вот появляется на телеэкране знакомое лицо М.М., и он совершенно будничным голосом говорит "Северозападный ветер его поднимает над сизой, лиловой, пунцовой, алой долиной Коннектикута..." Несколько минут, пока длится чтение, полного ошеломления, — не первый раз, конечно, слышу, как Козаков Бродского читает, но такого еще не было. И, еще недослушав, уже понимаю, насколько это... гениально. Это действительно было так. Ошеломляюще просто и совершенно понятно, но так, как бывает просто смотреть в небо. И небо от этого ниже не становится: сам растешь, если только можешь.

Вот после этого и был такой тихий и неприметный вечер в малом зале Театра Эстрады, без шумной рекламы. Программа — от Пушкина до Бродского, то есть — в первом отделении все от Пушкина до начала XX века, во втором — один Бродский. И, как ни люблю я все остальное (и каждый раз жалко, что не все попадает в программу — то "Писем римскому другу" нет, то "Мексиканского дивертисмента"), но на этот раз все время ждала своего "Ястреба", просто как наркотик. Дождалась. Но на этот раз все было совершенно по-другому. Не хуже и не лучше. Однако разница примерно такая, как между рисунком и скульптурным памятником. Вот о памятниках, кстати, и шла тогда речь. Некоторые русские поэты, как известно, создали себе словесные, стихотворные памятники. Следовало бы, наверное, сказать, нерукотворные, но, в общем, и так все понятно, о чем и о ком речь. Так вот у Бродского, по мнению Михаила Козакова, таких памятников два, и один из них — "Осенний крик ястреба". И еще — кто-то сказал, что,

если бы существовал гербовник русской литературы, Бродский был бы в нем представлен ястребом. За точность не ручаюсь, но мысль была именно такая.

Странно, да? Стихотворение написано давно, больше двадцати лет назад, и напечатано давно, а получила я — и, наверное, еще многие, — только сейчас, и даже не из рук, а с голоса Михаила Козакова. Собственно, все, что я говорила, можно было бы сказать и короче — спасибо ему за то, что он это сделал. Провел туда, куда раньше не удавалось войти.

Александра ВАСИЛЬКОВА

## Третья

премьеры, или  
Ястреб пролетел